



Маргарита Макарова

Селена

Психоделика

Маргарита Макарова
Селена. Психоделика

«Издательские решения»

Макарова М. И.

Селена. Психоделика / М. И. Макарова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748032-5

Психоделическая проза. С элементами мистики, детектива и фантастики. Частично документальна и автобиографична. У художницы исчезают картины прямо из выставочного зала...

ISBN 978-5-44-748032-5

© Макарова М. И.
© Издательские решения

Селена Психоделика

Маргарита Ивановна Макарова

© Маргарита Ивановна Макарова, 2017

ISBN 978-5-4474-8032-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не знаю почему, но именно это мне все время приходило в голову. Вспоминалось и вспоминалось, как наваждение, как паранойя. Снова и снова перед глазами вставали пустые стены. Там, где были мои картины, не было теперь ничего.

Картин не было. Все было. Все. Абсолютно все! И гостиница стояла, как ни в чем не бывало, и секретарь в мейн офисе сидела – все та же Катя. И даже господин Расмуссен – главный управляющий гостиницы «Олимпик Пента – Ренессанс» – все было на своих местах. Зал «Одесса», располагавшийся под первым этажом, под холлом и рецепшеном, рядом с несколькими бутиками и магазинчиками сувениров, все так же широко открывал двери для презентаций и банкетов. Все и всё были на своих местах. Стены с теми же крючками, жалкие стены вечно закрытого зала были украшены какими-то картинками под стеклом. То ли это были акварели, то ли просто постеры. А мои роскошные холсты, над которыми я корпела годами, вылизывая кусочек за кусочком, сантиметр за сантиметром, подготавливая триумф моей славы, моей талантливости, моей гениальности, копя работы для звездного часа моей карьеры живописца – все они исчезли. Драгоценные холсты, покрытые драгоценной живописью гения... Где каждый слой краски, каждый мазок были замешаны на поте и крови... Я вспомнила, как в рваной футболке, сидела в своем уголке у окна перед мольбертом, нанося все новые и новые слои полупрозрачных красок, ломая глаза, всматриваясь в натуру, или представляя себе, как все этом могло бы выглядеть в реальности. Я даже название придумала своему направлению в живописи – реинкарнейшн волд. Натюрморты с кружевами, с цветами, с маленькими фигурками людей, радостно разгуливающими среди огромных букетов, цветов и бутонов, плодов и ягод, чашек и ваз. С великолепными пейзажами за драпировками.

Сердце обрывалось. Я с тоской смотрела на стены. Где же они?

У входа меня ждала журналистка. Она хотела... Что она хотела – было уже неважно. Единственное, что было теперь важным – найти мои картины.

Я бросилась в главный офис.

– Где они?

– Кто – они?

– Не валяйте дурака! Где мои холсты из зала «Одесса»?

– Вас слишком долго не было. Разве не вы их сами и увезли?

– Что?

– Их сняли.

– А почему мне не позвонили?

– А сами вы почему не позвонили?

– Так я же думала, что тут все висит. Все было нормально, если вы решили снять картины – почему бы не позвонить хозяйину? У вас ведь есть все мои координаты. Когда вешать нужно было – машины прислали за картинами, а когда снимать, – так даже номер набрать стало трудно?

– Я ничего не знаю.

В холле ко мне подошла журналистка, что-то непрерывно, злобно, и неприятно мне выговаривая. Мне было все равно. Картин не было. Какая теперь журналистка!? Жизнь кончена. Столько лет пропало в черную дыру.

В этот зал не пускали даже меня! Зато там проходили презентации многих известных компаний.

Я шла вдоль проспекта, мимо неслись машины, я брела, не разбирая дороги, не запахивая шубу, не надевая шапки. Слезы заливали щеки, капали с подбородка. Длинный шарф волочился за мной по снегу. Ветер поднимал широкий подол и развеивал его, пропуская холодный воздух мне под одежду. Ну и пусть, заболею и умру. Зачем мне жить, когда нет моих картин. Я столько лет их делала, рисовала, корпела ночами. Это техника старых мастеров. Это труд дней и ночей, это непрерывная жопа.

Я шла и шла, до метро было далеко. Да мне и не хотелось в метро. Мне хотелось раздеться до гола, выть и орать во весь голос, бежать босиком по снегу, чтобы хоть кто-то, хоть бы даже и милиция, обратила внимание на мою боль. Но всем было все равно. Всем и сейчас все равно. В людях нет ни сочувствия, ни жалости.

Сколько это уже продолжалось? Год? Два? С чего все началось?

С дачи?

Мусорное ведро у крыльца. Мы уезжали, оставляя его полным. Приезжала я – его содержимое было все вывернуто и разбросано по земле. Я собирала все, потом выбрасывала. Потом мы снова уезжали – дача была недалеко – я люблю ездить... тогда любила...

Приезжаю – мусорное ведро снова оказывалось выпотрошенным. Странно. Я молчала, тогда никому ничего не сказала, но подозрение закрадывалось. Радостное подозрение... Глупая... Я радовалась, что привлекла внимание...

Да и к кому я должна была идти с мусорным ведром?!

Даже не знаю, откуда взялась эта догадка. Я не шпион, не работник спец органов, не имею отношение ни к чему подобному... Но живительная уверенность, что мной заинтересовались спец службы – проникла в мой мозг.

Да, конечно, можно было предположить, что это ежики приходят и копаются в мусоре. Опрокидывают его и разбрасывают содержимое в поисках пищи.

Ежики.

Совсем недавно я со своим доберманом сидела ночью на крыльце этой самой дачи и ждала, когда ходячий кактус убежит. Моя доберманиха обожает охотиться на ежей. Она лаяла и лаяла в ночи, пока я не открыла... ха нет, не так, я не вышла сама. Я вышла, и она выскочила за мной. И тут же кинулась в траву. Подпрыгивая от радости, от встречи с безобидным животным, она схватила его и положила у меня перед носом, на дорожку. Я крикнула ей – не тронь, это ежик.

Спать не хотелось. Начиная брезжить рассвет. Серело. Наверное, было три часа утра. Тишина. Я села на ступеньки крыльца и замерла ожидая движения ежика. Собака уселась рядом со мной, на крыльце. Мы не сводили газ с ежика, а он лежал на дорожке колючим клубочком. А мы не торопились.

Клубочек побежал. И когда он уже совсем хотел завернуть, следуя дорожке – собака не выдержала, и кинулась к нему, чтобы остановить зверюгу и не дать уйти этой смешной добыче. Она снова схватила его и принесла на крыльцо. Ежик шипел и пыхтел, как паровозик, возмущенно и устрашающе.

Я взяла его курткой. Ежик угрожающе зутухтел и растопырил лапки. Когтики тоже растопырил.

– Ну и распальцовка. Блатной ежик тебе попался. Придется отпустить, – рассмеялась я. Доберманиха моя безумствовала рядом.

На следующую ночь собака моя принесла двоих игольчатых прямо из под крыльца.
– Наш ежик уже братву привел.

Ежики ходили каждый день. Лето было теплым. Их не смущало даже то, что собака таскала их в зубах.

Способны ли колючие звери перевернуть ведро, где нет ничего съедобного?

Если не ежики, значит и не собаки сторожа – там не было ничего, что можно было сгрызть.

Значит кто-то регулярно опрокидывал ведро у крыльца.

Кто и зачем?

Вряд ли это делалось для того, чтобы реально узнать, что там, и вычислить, что я ем и куда что выбрасываю.

Скорее всего – все это делалось для демонстрации: «Ты под наблюдением».

И это были только первые шаги. Чтобы мне стало страшно. Из раза в раз – опрокинутое ведро.

За мной следят. Неизвестно кто, и неизвестно зачем.

Всё это началось после Белграда.

Я вспомнила, как летела из блокадного Белграда, и рядом со мной сидел любезнейший и слащавейший серб, или он выдавал себя за серба, не знаю. Я отвернулась. Я не хотела с ним разговаривать. Я была сыта разговорами. Я страшно устала за месяц белградской выставки. Постоянный недосып, постоянные ночные разговоры, постоянное напряжение. Когда же мне подсыпали этой гадости? И кто? Кузина? В Белграде? Или в самолете, как раз вот этот серб? Кто подсыпал мне снотворное? Кто? И зачем?

Нет, это началось еще до Белграда. Началось все тогда, когда я сделала картины о принцессе Диане. Да! Я сразу же заметила слежку. Они не очень и старались скрыть ее. Проверяют. Но что? Что во мне проверять-то?

Родилась там, где живу. Даже учителя школьные тут же, на даче рядом огороды свои сажают. До сих пор за хлебом посылают, когда в магазин деревенский иду.

Каждый раз, когда я приезжала на дачу, после продажи моих картин Аль Файеду, я находила чужие отпечатки на глинистой дорожке, размокшей под дождем. И перевернутая корзина с мусором. Ну кому нужно копаться в моем мусоре? А когда все снова собирала, то нашла сигарету. У нас никто не курит... И потом, совсем недалеко, в лесу, тут же, буквально в сотне метрах от моего участка, на тонком на насыпанном кем-то песочке я видела те же следы, и окурки тех же сигарет.

И маленькие сосновые шишки. Шишки. Странно, а шишки-то тут при чем? Не важно, шишки в лесу повсюду, и тут их было не больше, чем везде.

Ах да, я ходила в лес за шишками для самовара. Отключили электричество, и моя плита и чайник не включались. А так хотелось попить чая. Тогда еще у меня не было собаки, и мне не нужно было заботиться о том, чем ее кормить, если электричество отключат. Теперь все сложнее. Теперь у меня есть собака. Собака, которая не будет питаться чаем.

Началось все с картин о принцессе Диане.

Еще давно, черти сколько лет назад, после того, как меня выгнали из института, то ли за сионизм, то ли за антисемитизм, я дала себе слово, – никогда не влезать ни во что, попавшее политикой. Никогда.

А что вы смеетесь-то? Думаете эти сионизм и антисемитизм легко различить? Ну так получилось. Что была влюблена в профессора антисемита, а сама я против фашизма. Не потому, что убеждения, – а просто не находила критериев логически оправданных и научно обоснованных. Потому до сих пор не пойму по какой именно линии меня выгнали. В глубине души я уверена, что антисемитизм – официальная версия, поддерживаемая государством и органами. Ведь вот же, профессор-антисемит так и профессорствовал еще дол-

гие годы, пока смерть не разлучила их. Его и институт. А меня выгнали... Сионисткой меня правда тоже трудно назвать. Мать моя из подмосковных крестьян, бабка была неграмотной батрачкой. Ну спросила я как-то на семинаре – «а как вы их отличаете?» Ну – евреев то есть. После этого мой рейтинг резко упал среди этой кучки людей. А меня нафик выгнали.

И вот. Погибла принцесса. И я влезла. А что мне было делать? Художник – неудачник, отчаявшийся и готовый на все ради того, чтобы засветиться. На самом деле, слава меня мало волновала. Семья важнее. А семья моя жила... короче... – я пошла на все, чтобы вытащить свою семью в более человеческие условия. И либо сменить поле деятельности – живопись к тому моменту мне жутко надоела. А быть неудачником – и того больше.

На мою первую выставку никто не пришел. Ничего смешного. Это так банально. К тому же, я не художник и не знала, что это обычное дело.

Хотя и историком я тоже себя не считаю. Не важно, я думаю, из меня получился бы неплохой экономист, или врач, хотя в 9 классе я мечтала стать физиком ядерщиком – практиком. Механиком.

И вот я шла.

Я шла, продуваемая морозным январским ветром. Оглянувшись, я сразу поняла, что двое парней идут за мной. Но они были не одни. Несколько машин, как можно медленнее, то обгоняя, то снова возвращаясь, ехали рядом, преследуя меня. Обычная техника шпионских штучек. Я научилась их видеть даже тогда, когда уже не видела ничего. А сейчас от слез и холода я не видела почти ничего. Но ненависть не слепнет от слез. А этих я ненавидела всей душой. Как же ненавидела я их сейчас!

Когда же это началось? Ах да, это началось сразу же, после того, как семь моих политических фигуративных натюрмортов уехали в Лондон. Тогда я еще не подозревала в какую пучину я опускаюсь. В какую схему я попала В какую западню я залезла сама. Я была рада, я была счастлива продать эти работы. Да еще с надеждой на выставку! И на какую выставку! В Лондоне!! Под соусом скандала убийства принцессы, и обвинения королевы в убийстве!!! О, на двух этих головах я буду продавать все свои картины по миллиону, как минимум. Стану сразу самым известным художником этого столетия, я стану богатой, и, наконец, я смогу купить квартиру для своей семьи, ну и машину. Смогу стать маленькой толстенькой старушкой, ходить как оборванка, и не напрягаться по поводу диеты, не напрягаться по поводу бесконечного рисования этих цветных веселых картинок. Практически сутками, с перерывами на часовую пробежку два раза в день.

Никто не хотел брать эти картинки. Я сделала одну, и фотографию картины разослала по галереям и коллекционерам. Потом следующую. Выслала фотографии даже королеве.

Все было бестолку.

Одна галерея мне даже так и ответила – да кому нужна Диана – ее даже на родине не вспоминают. Всем наплевать, почему и как она погибла. А вы картины...

Короче, к лету я уже отчаялась. Я закончила последнюю, седьмую и, уже по последнему, решила на своем ломаном английском написать обвинительное письмо против королевы. А что – обвинять так обвинять, и не только картинками. Я написала по всем лондонским газетам. И приложила фотографии картин. Я написала и Фаеду, в Харродс, но оттуда мне пришло письмо-отписка – от девочки-секретаря, что мол вас так много всех, и все вы зачем-то сюда пишете, и что вы хотите все, нам и невдомек, и просим вас, не фигу писать, но за письмо спасибо.

Я написала и в парижские газеты и в нью-йоркские, и даже в Берлин, короче, – все адреса, которые я могла достать в инете, даже бибиси и сиэнэн, – я всюду, везде, повсеместно, абсолютно по всем адресам разослала свои грозные тексты и фотографии картин. Конечно, мне было совершенно наплевать, как и кто и зачем и почему убил принцессу Диану. Она вообще мне не нравилась. А что хорошего, какие теплые чувства могла вызвать жен-

щина, – профессиональная разрезательница ленточек? Разъезжающая по госпиталям без всяких целей, в праздном любопытстве, делая вид, что это ее работа, демонстрируя свои наряды, которые тут же продает с аукциона, и при этом думает, что она показывает людям свет в конце тоннеля?

В этом конечно что-то есть. Наверное, и правда должен кто-то в обществе ездить, красиво наряженный, и показывать брильянты короны. А то в музее их разве насмотришься? А так, откроешь журнал, или новости в инете, а там – вот она витрина, прямо перед глазами и с руководством как носилось и использовалось.

Ну, в общем, смысла в ее деятельности я не видела, более того, мне и сейчас, до сих пор кажется совершенно бессмысленным все эти благотворительные наезды. Сам приезд, сопровождение, дорога, охрана и прочее наверняка стоит дороже, чем цель визита подобного. Ну привез оборудование – здорово. Но ведь это можно делать и тихо, без шумихи.

Странные правила, странные нормы- тихо давать деньги, или привозить то что нужно – это... – аморально. А собрать кучу старых шмоток и отдать их в дет дом – это морально – и раструбить об этом на всю страну.

Так вот. Я сделала политические картины. А что, подумала я, что мне королева – отец родной?

Почему я должна покрывать, или скрывать очевидность преступления и заговора? Уж писать – так ткнуть пальцем в убийцу!

Как ни крути, но почему-то богатые становятся жадными.

Так вот, в очередной раз. Я написала по всем газетам, и мне, вдруг стали звонить. Таймз, Телеграф, пытаюсь взять у меня интервью. Смешно. Они думали, я разговариваю по-английски. А я только по-русски. Но я им все-таки ответила пару заготовленных фраз. Типа так, мол и так, это преступление, и преступление политическое. И что, мол такие преступления никогда не будут раскрыты. А зачем?! Заговорщики у власти – они же не будут раскрывать свои карты!

И так все знают – кто и за сколько! Анекдот. Не могу поверить, что люди так тупы. Наверняка, они кое-что подозревают.

А если они все же тупы именно так? И это жизнь? Просто всем на все плевать. Убили же не их. Не их убили, не им отказывают в лечении, не их преследуют, не у них война.

Эта реальность иногда пугает меня до чертиков. Недавно, еду в автобусе, и рядом сидит старуха, и говорит, показывая на моего добермана, вот, а зачем вы ему ушки отрезали? Я говорю, – я не знаю, – им вот, беднягам, положено отрезать хвостики и ушки. А она мне – да нет, – они рождаются с такими хвостиками – я знаю – у меня у самой был доберман, у него всегда был такой хвостик. И тут мне пришло в голову, что раз так, раз этот обрубок в ее мозгу врожденный, то, пожалуй, бессмысленно разговаривать. И я сказала, я не знаю, я такого взяла, может, и ушки такие родились. А что оставалось делать? Объяснять – это же, как держаться за буратино во время пожара. К тому же я и правда подобрала своего добермана годовалым и брошенным. Кто-то отдал теткам у метро, и он стоял там, вернее стояла, рядом с коробками, с котятками и мелкими щенками, несчастная, без хозяина... И даже не лаяла на всю эту живность... А когда поняла, что она живет со мной, и я ее хозяйка, она стала лаять и гоняться за мелкой живностью... Я тоже, помню раньше все помалкивала и боялась слово сказать дуракам и идиотам... терпела все... Теперь я нужна только ей... Своей собаке... Она меня даже любит... Пусть за кормежку, но любит по-настоящему. Люди ведь и за большие вещи любить не станут. А эта любит. И даже спит со мной в одной кровати... Иногда, правда трусит, и уходит спать в мансарду... Думает, я не смогу ее защитить...

Корче, объяснила, как смогла. Нарисовала и нарисовала. Не говорить же, что деньги нужны, семье жить негде, а ваша королева убивает девушек направо и налево, а вы сидите и молчите...

Короче, самое забавное, Таймз опубликовали пару строчек про мои изыскания живописные, и мне тут же позвонили из офиса Фаеда. Так собственно я и узнала, что они написали обо мне. Потом нашла заметку про нашего мальчика, то есть про себя родимого. И все завертелось мгновенно. Мне позвонил Фаед, я ему выслала фотографии, потом он попросил одеть лежащую, мертвую Диану, а то мол, нехорошо, покойница и голая. Я набросила полупрозрачный шарф.

Потом он долго торговался.

Потом он сказал, что обещает мне выставку, если соглашусь на эти условия, ну я, естественно, согласилась. Важнее последующие продажи, чем одна эта. Короче. Он заказал федерал эксперсс, и картины увезли.

С тех пор я и заметила, что за мной идет хвост. Хвост был везде. Буквально везде. На даче переворачивали мои мусорные ведра, в магазинах я видела ходящих за мной подозрительных людей. В Италии, когда поехала туда с дочкой, весь автобус был набит странными женщинами, постоянно выпрашивающими меня, как я хожу в туалет, и не мешает ли мне дорога в связи с фекальными отделениями. Да, доходило до смешного. И короче, все это меня реально забавляло. Я была страшно рада, что меня восприняли так всерьез, что решили проверить соответствующими службами, что я и кто я, и уж, наверняка, я точно поеду в Лондон на свою выставку, и скажу там пару слов о злобной убийце королеве, и милой, доброй, как это они говорят – компешн – сочувствующей всем Диане. Я смогу тыкнуть пальцем, в настоящего убийцу, смогу кое-что заработать, и стать, наконец, вольным человеком. Смогу спасти мир от убийц и оправдать девушку.

Конечно, королева не сама убивала. И уж тем более не подписывала указ-приказ, и не ставила печать и подпись. Но что это меняло? Убийство есть убийство, и никакая тайна не стоит смерти.

Да! Я была рада! За мной хвост! Меня проверяют! Ура! Это перед тем, как разрешить мне поучаствовать в скандале! И не в каком-нибудь там мелком, типа убийство Литвиненко, а в реально большом скандале, обвинение в убийстве самой королевы! Круто. Как же я потом жалела обо всем этом! Но уже тогда изменить я ничего не могла...

Один мой знакомый предупреждал меня, – это опасно, тут у нас в Англии королеву любят, тебя запросто могут убить.

Меня это не страшило. Ну абсолютно. Опасность меня заводила. И да, отступать было некуда. Нужно было что-то делать. Либо нужно было уже бросать живопись. Все равно, этим я уже ничего не могла заработать. Ни одна галерея не брала у меня ни одной работы. Я не член союза художников – меня не приняли, стоять на улице слишком нервно, на фига – тогда уж лучше пойти в магазин кассиром – уж если просидишь полсуток за кассой, хоть зарплату получишь. А лучше газетами в киоск. Да, точно. Лучше газетами в киоске торговать. И новости считаешь, и журналы посмотришь, полистаешь, и зарплату получишь.

Я ждала вестей от Файеда с нетерпением. С нетерпением и радостным лихорадочным волнением. А хвост. Да плевать. Что они могут мне сделать? Раз им делать нечего – ходить за мной. Пусть ходят. На то они и хвост, чтобы проверять. А мне скрывать нечего. Кроме мыслей... Которые совсем не совпадают с тем, что я говорю. Думаю – об одном, говорю совсем другое.

Я даже придумала новый афоризм – если ты говоришь, что думаешь, значит, ты не думаешь, что говоришь.

А что я сделала для своего ребенка? Родила и все. Я ничего не сделала для своего ребенка, ну абсолютно ничего. Я не добыла для него квартиры, не заплатила за дорогую школу, не купила ему... да вообще... Ради своего ребенка я готова была на все... Даже на смерть под топорами фанатов английской королевы..

Да плевать мне было на фанатов королевы. Дураки остались, как говорится, в дураках. Каждый народ достоин того правительства, которое есть. Если они готовы платить за существование королевы – значит они сами и хороши.

Сколько стоит сейчас политический шоу-бизнес. Президент туда, депутат сюда... Деньги сюда, деньги туда... Разве можно людям сказать правду? А вы попробуйте. Люди даже не поймут, что тогда исчезнет колоссальная статья расхода на политическое представление... И эти самые деньги пойдут им же в карман... На медицину, на жилье. Страшно сказать, мы не можем сделать простых протезов, не можем лечить бесплатно детишек, не можем получать лекарства, а тратим деньги на содержание ненужных и нефункциональных институтов власти, королевы кривых зеркал, депутатов погорелого театра и президентов – двойников. На речи и выступления ни о чем, на новости ниоткуда. Медицина в тупике. Зато улицы заполнили машины, которые нерентабельны и в принципе – ничто другое, как обычные дорогие игрушки.

Один вопрос – почему у меня ничего никогда не получалось? Сейчас меня этот вопрос особенно мучает.

Почему у меня никогда ничего не получалось? Все, за что я не бралась – не выходило, не имело реальных результатов, я не могла заработать деньги, я не закончила институт, я не сделала ни одной удачной выставки, Я не... короче – неудачница... Я уже не говорю о любви.

Впервые я заметила хвост на даче. Именно. Каждый раз мое мусорное ведро на улице оказывалось перевернутым. И я была уверена, что слежка началась. Я стала осторожно говорить по телефону, не высказывая ни семитские, ни антисемитские фразы, кто обжегся раз – дуется на молоко. Хотя я уже давно забыла – кто такие евреи. И с этим я справлялась очень легко.

Да, такое было время.

Хотя мне и пытались о них напомнить.

Как-то я стала просить выставку в доме писателя и одновременно подъехала в фонд культуры. А что, есть у нас фонд культуры, или нет?

Оказалось, я туда не на той козе подъехала.

В доме писателя нужно было предоставить рекомендацию от писателя. Я, недолго думая, позвонила Корнюшину, на которого когда-то, будучи студенткой ист фака, для «молодой гвардии» писала рецензию.

Этот деревенский писатель был человек простой и смешной. Я помню, у него дома в вазочке стояли красивые грибы, испеченные кем-то из его деревни, и засушенные им на многие годы – слишком красивы были, чтобы слопать, а надежды, что снова напекут – не было.

Так вот, он с легкостью откликнулся и сходил со мной в дирекцию этого самого дома и что-то там сказал, что требовалось. Мне велели ждать ответа, как говорится в том детском стишке. И одновременно, – я была очень энергична тогда, – я сунулась в этот фонд.

Фонд культуры. И прийдя туда с фотографиями, или за фотографиями уже, типа за ответом, чтобы выяснить, вообще есть ли у меня шансы попасть на какое-нибудь мероприятие этого странного учреждения, цели и задачи которого остаются загадкой для меня до сих пор, – а, кстати, он еще существует? – я услышала любопытные ответы.

– Это ведь вы подали заявку на выставку в дом писателя? Так вот, мы вам отказываем. Ваш рекомендатель – антисемит. И тут вам отказываем, и там тоже.

Молодой человек, сухощавый, высокий, с какой-то известной фамилией, кажется Бенуа-какойтоич, был, похоже, очень рад, что так кратко и толково расправился со схваченным за руку антисемитом.

А главное, наверное, думал он, это так больно, – отказано сразу в двух местах. Возможно, что он даже надеялся на небольшое шоу, хотел увидеть, как я буду кусать локти, а может, даже вскрою себе вены, или умолять его и плакать.

Эти надежды и ожидание были написаны у него на лице.

Оказалось, что художественный совет один на все площадки!

После таких проколов приходилось быть очень осторожной. Не дай бог косо посмотреть на кого-нибудь с горбинкой. Или наоборот. Хотя, тогда мне было все равно, – кто и что, лишь бы продать немного картинок. Главное, было не впасть в депрессию и не отрезать себе ухо, как Ван Гог.

Сами мы не местные, люди мы бедные, и единственная наша звезда – звезда дурака. И светила она мне что есть мочи. Можно сказать, звиздела.

Но дело не в этом. Так о чем я...

Ах да, сразу после отъезда моих картин в Лондон я заметила слезку.

Не могу сказать, что у меня..., нет не так, что я была параноиком. Нет. Я вообще человек неверующий.

Я не верю в бога, не верю в снежного человека, не верю в барабашек, я не верю в сиес ай, я не верю в телепатию, я не верю шаманам, я не верю в инопланетян, я не верю в карты, в гадания, в снежного человека, ах, это я уже говорила.

Я тогда верила только в себя!

Я самая умная, самая хитрая, со временем у меня все получится, нужно только понять, как все происходит, попасть в нужное время в нужное место, понравиться кому надо, и все будет, влезть в схему!

А почему у меня ничего не получалось?

Ладно, это уже другой вопрос.

Преследование меня развлекало. А так, жизнь моя ничем не изменилась. Я просто рисовала дальше, и ждала, когда же Фаед позовет меня в Лондон.

Но этого не происходило. И я решила ехать в Белград. Вот тут я увидела эту слезку в реале, так сказать, – лицом к лицу.

На выставку пришла странная женщина в золотой шляпке. Она ломала язык, впрочем, мой английский был еще хуже. Все что я поняла из того, что она мне говорит, что наша встреча не случайна. Не случайная встреча. Вот! Наконец-то. В моей жизни начинают происходить позитивные сдвиги. Мной начинают интересоваться! Я тоже могу исполнить роль. Да любую. И за словом уж точно в карман не полезу.

После того, как Фаед купил мои картины и обещал выставку, я написала в масонскую ложу в Лондоне. Даже в несколько лож. В инете полно адресов. Ну не полно, но три я нашла. И выслала им фотографии моих картин, в том числе и про принцессу, и сказала, что вот мол я, так мол и так. Странно, при такой замасонености мира, я не была членом ложи. Я тогда очень жалела об этом, а потом мне сказали, что если ты член ложи, ты должен ходить на собрания, типа комсомольских собраний. О! Это не для меня. Я ненавижу собрания, и всякое такое, ненавижу предписания, ненавижу правила, кодексы, знаки отличия, чины и звания, ненавижу иерархию, и вообще, я чувствую себя диким человеком, может, как раз тем снежным отморозком.

Короче, я решила, что это как раз и есть последняя масонская проверка, и меня, наконец, примут сейчас в эту чертову организацию, и я смогу срубить немного денег и опять же квартира, машина, и шампанское на берегу моря...

Я уехала в блокадный город, потому что отчаялась ждать.

Но опять же – не сама! Они меня позвали! Кузина пригласила меня с выставкой.

99 год. Мне пришел вызов, приглашение, просьба.

Год прошел с того момента, как я выслала свои картины в Лондон. Ничего.

Как упорно сестра звала меня туда, в Русский дом. Звонила. Расписывала что-то. Что будет пресса, журналисты. Съемки.

А ведь до этого мы не разговаривали с ней десять лет.

В душе я презираю и власть и всю эту возню вокруг. Удивительно, что столько лжи вокруг всего этого. Но дело не в этом. Я анархист, и анархистом помру. Мне противны люди, что не умеют организовать хозяйствование, но зачем-то предлагают себя к руководству.

Романтика.

Все нужно рассказывать по порядку. Иначе же вы ничего не поймете. А мне так хочется, чтобы вы поняли то же самое, что удалось понять мне.

Тогда, в Белграде, я была счастлива. Вот оно, исполнение. Уже скоро. Естественно, они не могут меня вызвать в Лондон, потому что не уверены в моих целях, в моей искренности, в моих настоящих мыслях, а скандал должен быть большой, и а...а вдруг я, правда, стану кумиром миллионов. А я при этом даже не член. Никто. Не состою, не участвовал, не замечен. Ужас. Даже компромата нет. Ни наркотиков, ни милиции, ни курева, даже не пью. Даже не член союза художников.

Я не понимала тогда, что они закрывают мой канал. Художник? – Изъять ее картины. Все! Она больше не художник! Ни слова правды не должно просочиться в мир. Заговор должен быть стерильным. Кто эта женщина? Просто сумасшедшая. У нее нет ее картин. Потом, много позже мне сказали в инете – твои картины еще всплывут, но, дорогуша, не под твоим именем. А ты никто – можешь доживать.

Но тогда я не понимала. Я ждала коннекта. Когда же, когда же, – единственное, что интересовало меня больше всего. Когда будет контакт, я подпишу любую бумагу.

Началось все с того, что с меня взяли в аэропорту все деньги за вес картин, хотя этого не должно было быть по договору о выставке.

Я оказалась в Белграде без денег. Но деньги на жизнь там нужны небольшие. Главное, что у меня не было денег, на вывоз моих картин из Белграда. Вот что!

И мне пришлось сидеть бесконечные ночи в баре Русского дома с потенциальными покупателями, чтобы хоть что-то заработать на вывоз багажа. Сестра запретила мне звонить в Москву со своего домашнего телефона. В Русском доме орали и отгоняли меня от компа. Это был какой-то заговор. Но все же мне удалось послать мужу сообщение, что я без денег, и чтобы он узнал, можно ли заплатить из Москвы за багаж в Белграде. Оказалось, можно.

Как все происходило. Сидели мы в баре в Русском доме, маленьком замызганном помещении, где ничего хорошего не было, и взгляду не на чем было задержаться. Выглядел этот бар ужасно. При обычной ситуации, я бы вообще не задержалась бы в этом грязном углу ни на секунду. Днем, во время дежурства своего в зале выставки, я ходила на улицу и лопала кусок мяса с капустой, который жарили тут же, в стеклянной палатке, прямо на глазах у покупателей, все это было добротно, вкусно, но слишком перчено. Но сытно и вполне толково зажарено, на решетках металлических. Стоило все это копейки, так же, как и такси. Потом я делала себе чай в комнатке в Русском доме, заваривая его в кружке.

И вот, начались эти бесконечные ночные бдения. Разговоры, разговоры, разговоры...

Я приезжала к сестре на окраину Белграда под утро, обычно пьяная, потому что болтовня эта сопровождалась возлияниями. Нет, обычно я отказывалась. А механизм был такой.

– Вот мы сегодня подумаем, придем завтра, пришлем вам еще кого-то, вы сможете познакомиться... И мы еще поговорим, а мы решим, что взять.

Все было довольно прозрачно, так картины не покупают, чтобы взять картину не нужно мучить художника изнуряющими и изматывающими разговорами о черти чем.

Сейчас опять вспомнилось – вот так и разграбили мои картины в гостинице. Олимпик Пента – никто не мучил меня там разговорами, просто стибрили...зачем платить нищему, низшему... Его деньги не спасут...

Кажется, мы поговорили обо всем. И о сионизме, и об Израиле, и о гедонистах, и о Гегеле, и о возрождении, и о масонстве, и о власти, и той власти, и о другой. Я даже расписала смысл своего ноу хау- направления в живописи- реинкарнейшн волд.

Я даже начала сомневаться – а то ли я говорю. Но потом мне пришло в голову, что вопрос не в том, что я говорю, а в том, сколько я смогу выдержать почти без сна, в поточном трепе. Оказалось – целый месяц.

Однажды, закончив трепаться не очень поздно, но очень устав, я решила поехать к сестре на трамвае – благо он подошел к остановке одновременно со мной.

Туманный вечер, сырой и серый, окутывал ноябрьский пейзаж площади. Народа, несмотря на поздний час, скопилось много. Внезапно, трамвай вынырнул из тумана и возник радостным персонажем в холодной дымке. Я нетерпеливо вскочила на ступеньку и села у окошка. Скоро, совсем недолго, и я буду сидеть у Светки на теплой кухне, и пить вкусный крепкий чай.

Спать у сестры, правда, тоже было неудобно. Диван был мне коротковат. Но в Русском доме я спать не могла. Во-первых, там было холодно. А во-вторых, там все было под контролем. Я это поняла после одного из вечеров. Сотрудник наших служб занимал там апартаменты второго этажа. И когда после долгих разговоров я собиралась уходить, он вдруг нарисовался в проеме моей комнаты и пригласил поговорить.

– Еще? – невольно вырвалось у меня. – Опять и снова?

Я молча подошла к нему и молча поцеловала. Сказывался стресс.

И все стало вдруг по-другому. Следующее утро встретило меня в лице директора этого заведения, который с порога сказал мне «ты».

Я не люблю панибратства. Мы с этим дядькой вряд ли ходили в один детский сад. К тому же, на нем был малиновый пиджак!

Малиновый пиджак на мужчине для меня равносителен костюму мультяшного героя.

Пусть я не уважаемый член общества, меня никто не боится, я не имею сундука с золотом, и у меня нет армии вооруженных бандитов. Но к его кругу я тоже не принадлежу. Какой бы он ни был. Я женщина, и не привыкла, чтобы чужой человек, который ходит в красном малиновом костюме на работе, обращался ко мне на «ты». Никакой мой просчет, фривольность, поцелуй, или даже... да мало ли что... что может мне взбрести в голову... – все это не могло дать и не давало ему зеленый свет на такое обращение ко мне. Даже если бы я трахалась с этим сотрудником перед камерами, и он всю последующую жизнь смотрел бы это шоу, он тем более не имел права так ко мне обратиться.

Я удивленно тогда подняла брови. Он поправился.

Это поставило все точки над «и». Либо тут все просматривается и все пишется... Либо все просматривается и пишется только за мной. Был еще один вариант, – что пишется и просматривается за каждым, вновь прибывшим, вновь появившимся, новеньким так сказать.

Какое это было безумие – приехать в блокадный Белград.

Но инициатива исходила не от меня.

Все это были мелочи, но опять же надежда крепла, я на крючке, вернее они на крючке, а я на проверке. Я все еще развлекалась. Меня проверяют и скоро, вот уже совсем скоро меня примут, и я буду исполнять одну из главных ролей в каком-нибудь действе, получу кучу денег и куплю квартиру и так далее...

Все это было смешно, пока не затронуло уже не возможности заработка и собственную шкуру, а жизнь моего ребенка. Все это было еще впереди, а пока я смеялась, насмехалась и требовала, чтобы со мной разговаривали на «вы».

Я так и назвала то время – белградский кошмар. Когда я вернулась домой, – то думала, что белградский кошмар закончился. Как я была тогда неправа. Я не знала, что кошмар еще только начинался.

А тогда, ну что тогда... ну осталась я без денег... какая ерунда... ну осталась я в чужом городе одна... да боже мой... ну спала я на кушетке на которой не помещались мои ноги... ну не в холоде, не на улице спала... Ну приходилось сидеть долго в кабаке и разговаривать, но ведь не пытали... ну следили...

Так вот... о трамвае...

Он вынырнул внезапно из тумана. Я села у окошка, потому что узнавала свою остановку по виду, а не по названию. Трамвай все ехал и ехал. Было темно, около 12 часов. Дома закончились, показался лес.

Лес!

Какой лес внутри города?!

Это был не парк.

Это была не аллея.

Это был настоящий лес, без дорожек, без скамеек.

Куда едет этот трамвай?

Наконец, я догадалась посмотреть на анонсируемый транспорт на следующей остановке.

На расписании был совсем другой номер трамвая!

Там был чужой номер трамвая.

Чужой, в смысле не мой. Это был не мой трамвай!

Так поздно, а я сижу в каком-то не своем трамвае и еду черти куда, скорее всего в другую сторону и смогу ли я найти теперь свой дом, вернее сестрин.

Это было так неожиданно, что я даже не выскочила сразу.

Соображай, не соображай, а надо выходить. Делать-то нечего.

Рванувшись, я соскочила с трамвая на следующей остановке.

Не думая, не разглядывая, где я и как я отсюда выберусь. Этот вопрос даже не возник у меня в голове. Как... как... Да на трамвае! Как приехала, просто перейду на другую сторону, и сяду на такой же точно трамвай, но в другую сторону и доеду до того места, где ходит и мой трамвай, выйду и снова подожду свой.

И вот я вышла.

Лес.

Темно.

Снег.

И одна колея. Одна колея!

Одна колея посреди леса!

Я хотела перейти на остановку в другую сторону, но ее не было. Обратной колеи нет! И нет рядом никакого шоссе, где можно было бы поймать такси. Ничего, пусто. Ни домов, ни магазинчиков, ни телефона, ничего. Лес и одна колея. Я вышла и обомлела. Что за черт. За мной выскочил мужчина и нерешительно мялся рядом. Слежка, – я четко и конкретно увидела сопровождающего прямо в лицо, но он недолго топтался, наблюдая меня в моем идиотском положении. Он пошел куда-то вдаль, где я видела насыпь железной дороги.

Вопрос – зачем вообще тут была сделана остановка?

Загадочные эти сербы. И как меня угораздило оказаться именно на этом месте?

Сыщик небось решил, что я опытный шпион и ловко его вычислила!

Вообще, если бы я была Джеймсом Бондом, то ничего лучше этого места для отрыва от слежки придумать нельзя. Сошел и тут же видишь, кто идет за тобой. Потому что идти тут некуда, и некому, потому что...

Спустя пару минут я осталась одна. Среди леса, среди ночи, среди Белграда, посреди пустыни... Я заметалась, мысленно растерявшись, я не знала, что делать.

– Да что я в самом деле! Я что зря бегаю каждый день по два часа. – сказала я себе вслух, вслух чтобы не чокнуться, слишком смахивало происходящее на декорации в спектакле.

Я подхватила полы своей шубки и побежала. Я бежала и бежала, пока не увидела смыкающиеся колеи и потом освещенную остановку. На ней стояли двое – мужчина и женщина.

Я по-русски просто спросила их:

– Вы считаете, трамвай еще будет?

На чистом русском языке они ответили мне

– Конечно, будет.

Сознание этого снова накрыло меня волной гордости за себя и за свой ум. Вот, до чего я хитрая. Я сумела заинтересовать нужных людей, они и пасут и охраняют. Только почему так долго. Почему меня до сих пор никуда не приняли? Разговорный марафон все длился и длился. Я чувствовала себя уже почти звездой. У которой каждый день берут и берут интервью...

Вот удивительное дело. Самое ничтожное усилие, которое по результатам своим не стоит ничего, какой-нибудь трепач – актер – политик, или – певичка, или, что даже еще хуже – певец мужчина, – стоит увидеть пару тройку поклонниц, или поклонников, и уже мания величия, уже самооценка подскакивает до потолка, человек чувствует себя черти кем, чуть ли не пупом земли. И не важно, что через пару лет звезда исчезает. Звезда исчезает, а звездная болезнь остается...

Вот и я, не важно, что и на эту выставку почти никто не пришел. Со мной вели бесконечные разговоры какие-то странные люди. Были какие-то австрийцы, как мне сказали, сотрудники австрийского посольства. Мне только потом пришло в голову, что блокадный Белград был без единого работающего посольства.

Однажды я напилась. Мне так упорно наливали водку, что я подумала, а что – вдруг они хотят посмотреть – какая я буду, когда напьюсь?

Нельзя отказывать будущим хозяевам в таком удовольствии. Может, они думают, что я стану разговорчивее? Еще более. Может, они решили, что я что-то от них скрываю? А чего тут открывать-то?

Одни, изображают власть, актерствуя на трибунах, изображая многословной немотой волевые решения и владение ситуацией, другие...

Как я была неправа. Как я ошибалась. Но, правда тогда еще не была мне доступна. Я не знала, что выбора нет, так же, как нет и свободы воли. Анархизм мой выражался в нетерпении и презрении, и я просто помалкивала о том, что я обо всем этом думаю. Мне абсолютно не хотелось участвовать во всем этом шоу. Но, сами понимаете... квартира, машина, бабло... Все это, или хоть немного из этого нужно было иметь, я шла на поводу у общих желаний, и при всем моем отвращении к лжи и притворству сама предлагала, и не только предлагала, но высказывала приемлемость для меня, для себя самой, всего этого механизма. Хотя в глубине души, наделась, что в один прекрасный момент я скажу всю правду... Всю правду... Я еще не знала тогда, в чем она заключается.

Если бы я знала об этом тогда...

Хотя ничего не изменилось бы уже...

Все было предначертано.

Я всего лишь осуществляла задуманное... к е м-то...

Я следовала чужому плану, даже не подозревая об этом. Мысли... их же не читают... Их пишут... Но об этом позже...

Каждый вечер, возвращаясь домой, к сестре, я встречала ее на кухне. В тот вечер меня привез домой службист. Я напилась, им показалось так сильно, что меня было страшно даже посадить в такси. Два сотрудника – два разведчика – два Сергея – были всегда рядом. Они не участвовали в этих разговорах, но сидели всегда, всю ночь здесь же, рядом, за сосед-

ним столиком, до тех пор, пока я не покидала этот чертов шалман при Русском доме, где висела моя выставка, и где я, как привязанная, вынуждена была вести этот бесконечный треп не только из желания быть куда-то и во что-то принятой, а просто для того, чтобы продать хотя бы одну работу и иметь возможность заплатить тысячу баксов за вывоз картин на москау. В какой-то момент мне показалось, что я в западне, и живой мне отсюда уже не вырваться. Поэтому мне было все равно, что демонстрировать и как. Тогда я еще очень хотела жить. И не просто жить, а хорошо, а еще лучше – жить очень хорошо, то есть иметь квартиру, машину, бабло...

Кажется, я слишком часто об этом говорю... Но это все для того, чтобы... Потому что это были все мои желания... все, что занимало мой ум и сердце... это было то, что называется – мое умонастроение.

Я выпила. Они упорно наливали. Терять мне было нечего. В тот момент я могла бы танцевать румбу голой на столе. Лишь бы выпустили домой. Ужасно хотелось домой, но я все так же улыбалась.

Главное было тогда выбраться, уехать, вернуться домой, и по возможности, с картинами. Поменять билет я не могла. Держали картины. А вывезти картины я тоже не могла – денег не было. Как же меня тогда все достало и напугало. Уже в последнюю неделю я подумывала, что оставлю выставку сестре. Потом, когда-нибудь потом, заберу... Когда смогу...

Постоянное напряжение. В каждом таксисте мне виделся чекист. Напив, они не выпускали меня из вида ни на минуту. Я встала, шатаясь, и обратившись к Сереже маленькому заявила на весь этот крошечный шалман

– Я хочу в туалет – друг – проводи меня на третий этаж.

Сказала я это совершенно сознательно, тогда я еще не отключалась и всегда держала контроль за происходящим, сколько бы не выпила.

Да сколько я там выпила-то! Пару стаканов водки. Ерунда для русской бабы.

Русский дом в Белграде представлял из себя довольно запущенный особнячок, в котором располагался выставочный зал в нижнем этаже, с паркетным полом, выложенным прилизительно так, как в моей старой школе в детстве, построенной сразу же после второй мировой. Этот паркет, я помню, в школе старательно натирал мужик каждую субботу, и мы уважительно относились к этому полу, который блестел и пах мастикой и создавал ощущение музейности и возвышенности этого заведения.

Тут же никто полов не натирал. Раз в неделю две уборщицы мыли его мокрыми тряпками, обычными грубыми тряпками на деревянных швабрах, старательно вытирая ряд за рядом. Это были русские женщины, вышедшие замуж за сербов и живущие тут, в этом городе, и счастливо получившие работу, пусть даже и такую, в Русском доме.

Народа тут бывало мало. Во всяком случае, при мне – вообще никого не было. Два этих Сережи, не отходивших от меня – Сережа маленький и Сережа большой. Разведчики – боже мой- не смешите меня – что сейчас можно разведывать в наше-то время. Еще там был директор в малиновом костюме.

Собственно, моей выставкой занималась там еще одна сотрудница. Некая Катя. Она ходила в кожаном комбинезоне и вполне соответствовала своей работе, так неприкрыто демонстрируя свое отношение к чекистам. Не хватало ей только кобуры на боку, а так вполне -комиссар красной армии. Она тоже была тут когда-то замужем, но, родив троих детей, развелась и теперь водила шашни с черногорцем, высоченным, черным, решительным мужчиной, метра два росту, якобы занимавшимся антиквариатом, а вообще тоже вроде возившим сюда русских и даже украинских художников и водившим их по всяким инстанциям.

Вообще вся компания, вместе с этим кабаком, была дольно сомнительной. Я бы ни при каких обстоятельствах не стала бы общаться с этими людьми, кроме принудительных.

На втором этаже был кабинет директора. Внизу была библиотека и вот этот кабак на десять столиков. Построено когда-то роскошно, с размахом, в размерах старого времени, – все это было запущено, вплоть до того, что сэкономили даже на инетовском трафике.

Как же я хотела тогда домой.

– Сережа, – громко позвала я. – Я хочу в туалет.

Я хулиганила. Мне было уже совершенно по фигу. Но раз они хотели меня напоить, пусть водят меня в сортир и подтирают мне задницу. Я повисла на руках молодого парня, изображая полную невменяемость и сказала... Да, я сказала...

– Поехали... На третий этаж в...

Лифт. Туалет. Я заставила его снимать с меня трусы, и держать меня на толчке. Потом он на руках спустил меня вниз.

– Господа, – я хочу спать. Вам не кажется, что мне пора танцевать?

Я путала слова, я не знала, что сказать еще, что-нибудь шокирующее. Но, судя по тому, как Сергей сводил меня в сортир – впечатление было произведено. Да много ли тут надо было... для этого провинциального вертепа.

Они вызвали летчика. Он сидел тут же, в закутке, и время от времени тоже подходил к нашему столику, чтобы дать возможность разговаривающему со мной отдохнуть. Тот замолкал и отходил, а этот занимал его место, и бросал пару анекдотов. А может, это была передышка для меня? Тогда это зря. Врать я могу без перерывов.

Летчик был хорош. Высокий, статный, красивый. Я повисла на нем и велела везти меня домой. Это было здорово, что не нужно было ждать такси, и что я поеду домой в компании русского. Можно будет не напрягаться и объяснять куда меня вести, хотя у меня была бумажка с адресом, но все эти таксисты все равно пытались спросить у меня еще что-то и каждый раз брали разную плату.

Летчик загрузил меня в машину, и мы поехали. По дороге мы самозабвенно целовались. Делал он это отменно.

Я вообще люблю целоваться. А тогда это доставляло особенно острое наслаждение. Ощущение опасности повышало либидо. Хотелось целоваться. И не хотелось думать о будущем. Может быть, завтра, или на утро вообще расстреляют, или прирежут тут, на задворках этого заплесневевшего заведения, и сделает это тот же Сережа старший, или даже младший – такой милый смешливый мальчик – когда все делают то, что им говорят – разве можно ожидать сочувствия?

Машина остановилась. Я удивилась, что случилось?

– Выходи.

Странно. Я вышла. Неужели вот так и кончится мое существование в этом богом забытом Белграде?

Я стояла, прислонившись к машине, уже мне лень было притворяться пьяной, я стояла и, стараясь скрыть испуг, смотрела, что будет делать этот службист. Он тоже вышел, обошел машину и прижался ко мне, подсунув руки внутрь шубки. Мы снова стали целоваться, но уже прижавшись всем телом, я чувствовала его желание, оно было очень большим, вполне доросшим до нужности. Это заводило.

– Пойдем в сторону, вон там, вон туда во двор.

Странно.

Что за провокация... или это намек, что прослушки и подсматривающей камеры не будет?

Да, точно. Я только сейчас это поняла. Он хотел сказать мне, что снимать не будут, и никто об этом не узнает.

Тупая-то я однако. Тогда я этого не поняла. Я просто испугалась. Испугалась сделать хоть шаг в сторону от освещенной дороги. Я готова была трахаться тут, прямо под фонарем,

прямо на освященном шоссе, но идти куда-то в кустики, чтобы там возиться с мужиком по-свински, да еще зимой, да еще и... прирежет потом...

Я замотала головой.

– Я не подросток.

– Пойдем.

– Я хочу домой.

– Хочешь, я повожу завтра тебя по Белграду? – внезапно переменял он тему. – Покажу все развалины. Хочешь?

– Спрашиваешь.

– Встретимся в Русском доме.

Сестра ждала меня на кухне. Она была младше меня на год. Когда-то в детстве мы были очень дружны и даже играли в индейцев на даче.

У нее с малолетства были роскошные пепельные волосы. Длинные косы были причиной слез при их создании. Две тугие косы переплетались каждое утро и завязывались обязательно прозрачной капроновой лентой. Никогда резинкой. Только лентой.

Она часто плакала, и про себя я всегда называла ее -Светка – плакса. Она бежала к лесу, запиралась в маленьком деревенском туалете и там сидела и плакала. Пока кто-то из взрослых не шел ее утешать. Причин ее взрывов слез я не помню ни одной. Может, мы ее обзывали? Вроде нет. Еще мы обычно на даче играли в Акулину. Научила нас играть в нее двоюродная бабушка, которая сидела с нами тремя на даче. Баба Ира. Я, Светка и двоюродный брат Алешка, – мы садились за стол и раздавали всем карты. И потом тащили друг у друга по одной. Черная дама пик и была Акулиной. Одинаковые карты сбрасывались. Кто оставался с Акулиной – тот надевал платочек и сидел дальше в платочке. Самое трудное было не показать виду, что ты вытянул ее. Хотя тебя сразу же выдавал тот, у кого ты ее вытянул. Бывший владелец Акулины сразу начинал радостно улыбаться, корчить рожи, и ехидно хихикать.

А в дурака мы играли с соседкой. Проигравший пил пол-литровый ковш воды. Однажды я столько выпила этих ковшей, что... Да, впрочем, ничего со мной не случилось... Мы все спали на железных кроватях... Над моей – висел кусочек ткани с вышитой толстой Аленушкой с козлом...

По выходным приезжали все родственники – дядьки и тетки – спать было негде. Спали на полу. Я с тетками. А мужчины- мужья – на кроватях. Мужчин берегли. Военное поколение.

А иногда мы спали на чердаке... И тогда наблюдали звезды... Мы даже карту звездного неба склеили...

Я правда всегда просыпала момент появления какой-нибудь яркой звезды...

– Вставай скорее, вставай, смотри... Это Марс...

Меня старательно тормозили. Это я помню. Помню еще момент взгляда в окно и там яркое пятно...

Или это была Венера...

Я сразу же засыпала снова.

Из всех созвездий я точно знаю только большую медведицу... Иногда могу найти и малую... В детстве мать постоянно показывала их в наших вечерних прогулках перед сном.

Но после 17 лет мы разошлись. Или нам было по 15?

Моя записная книжка попала в руки Светки. Я оставила ее у нее дома, когда ночевала у тети Жени. Тетя Женя – это ее мать и сестра родная моей матери.

А записная книжка моя оказалась бомбой, которую никто из моих кузенов не хотел мне простить. Столько лет прошло. Меня не позвали ни на свадьбу, ни на рождение. Ни на вторую свадьбу, ни потом. И вдруг она звонит. Приезжай- русский дом сделает тебе выставку.

А что же я там написала?

Как же я была расстроена, что потеряла эту книжицу. Изящная, маленькая, купленная в художественном салоне, в мягком телячьем переплете, она вся помещаюсь на ладошке. Я носила ее всегда с собой и делала записи прямо на ходу, иногда останавливаясь и записывая вдруг пришедшую глупость в голову.

«Я чувствую себя особенной. Люди делятся на обычных, таких как моя кузина, Светка и таких как я. Я никогда не принадлежала к основной массе. Я умнее. И я это знаю с самого моего рождения». Видимо там было что-то подобное.

Это был даже не дневник. Так, станок для словоизлияния...

Понятно, почему попав в руки моей сестренки, книжечка прервала нашу детскую дружбу на долгие годы. Хотя, нет. Не понятно.

Я не была у нее на свадьбе. На первой. Не была на разводе. Не была на второй свадьбе. И вдруг...

Светка. Светка это была особенная пытка.

А Светка была фанаткой Иеговы.

– Ты знаешь каково имя бога? – она встречала меня на кухне посреди ночи подобным вопросом.

– А ты знаешь, что ты еще увидишь свою мать?

– Как? Мертвую?

В Москве, с тетей Женей оставалась старшая дочка кузины от первого брака. Отец, дядя Костя, был шофером-дальнобойщиком и пил. Кузина в Белграде сидела дома с маленькой дочкой.

Два этажа этого дома сдавались жильцам. Один занимали сами владельцы – Жика и Светка с малышкой. В комнате, в которой я обитала, стоял рояль. Ножка его была просто приставлена, и потому облокачиваться на этот рояль не рекомендовалось. Считалось, что когда-нибудь, кто-нибудь починит этот драгоценный инструмент, и тогда он сможет стоять как все, и на нем можно будет даже сыграть, не рискуя быть придавленным черным старинным крокодиллом.

Я бы предпочла быть бомжем, но иметь власть над своей судьбой. Или хотя бы знать правила игры.

Моя кузина была похожа на скелет. Ребра выпирали у нее, ключицы торчали. Жика – муж ее, постоянно был дома. Мне некогда было разгадывать эту загадку. Ела она дома мало, хотя закрома тут ломались от мяса. В коридоре стояли холодильники с телами животных из деревни. Малышка спала в спальне родителей, хотя тут же была маленькая комнатка, которую готовили, видимо, для девочки. Тут торчали гвозди, которые я попыталась вытащить и выбросить – слишком опасно были они нацелены прямо на ноги. Светка выхватила у меня выдернутый гвоздь и с ужасом стала его убирать.

– Ты что, он умрет, если узнает, что у него пропал гвоздь.

За столом, на уютной кухне, она почти не ела. Я уже решила, что у нее нервный спазм. Она не может есть в чужой стране – подумалось мне тогда.

Если мне удавалось вырваться пораньше там, то тут попадала в ночное, но уже домашнее, Светкино, божественное.

Она тоже вела медленные разговоры о том, а что я хочу, и чем готова пожертвовать.

Да боже мой. Я готова была пожертвовать правдой и тем что я реально думаю.

Как я поняла позже, это вообще никого не интересовало. Все это было абсолютной ерундой и не интересовало никого, кроме дураков из фонда культуры. Бой шел на испытания, на измор. И тот, кто устроил этот бой, отлично знал, что я вообще могу думать, что я могу понимать, со своей голубой мечтой о квартире – машине – даче...

Но это будет много позже.

А пока мне казалось, что я и так все понимаю. Все что происходило, мне казалось, было у меня под контролем, во всяком случае, я все секла. Неясно было одно – когда закончится эта проверка, и какие правила игры.

В связи со всем этим положением, которое я наблюдала, я не могла даже сказать сестре, что я без денег. Она все равно не могла мне ничем помочь. Находясь в такой психологической подавленности от старого и чужого мужа. Вот зачем девке нужно было сюда ехать? Ну да, дома у нее отец алкоголик. А тут она надеялась, что муж умрет, она продаст трехэтажный дом и вернется в Москву с деньгами и на коне.

Уже под конец, когда я продала картину и немного успокоилась, положив в карман тысячу баксов на багаж, мы пошли с ней в Макдоналдс. Она мне вдруг сообщает, что я должна съездить в гости к тому самому черногорцу, который таскался с нашей чекисткой Катей в кожаном комбинезоне.

– Зачем?

Я уже собирала вещи, паковала картины. Оставалось только дожидаться часа взлета самолета.

Мне все эти дела показались чуждыми, мой приезд – напрасным, результаты – нулевыми. Разговоры закончились, ничего не произошло. Намеки не имели никаких осязаемых последствий, я с трудом не чертыхалась в сторону всех работников Русского дома.

– Тут недалеко. Сегодня в семь. Поедем, я сейчас возьму такси, мы съездим, ты посмотришь дом, а потом вечером приедешь сама.

Ничего себе, – подумалось мне, но кроме идиотского междометия не пришло ничего в голову.

– А если я не поеду – что – не выпустят из страны?

Вот тут я снова испугалась. В конце концов, я подумала, что нужно было сразу уехать, развернуться и уехать. И я бы так и сделала, если бы не моя выставка, не эти картины, которые составляли всю мою жизнь, и которые нужны мне были во что бы то ни стало. Для будущего. Так мне казалось. Мне казалось тогда, что у меня есть будущее. Или будет. И эти картины были для него.

– Я бы советовала поехать. Я не знаю, ну если тебя приглашают в гости, почему бы тебе не съездить?

Высокий странный черногорец был предметом воздыханий многих местных женщин. Как я узнала потом, многие хотели его. Но не я. Мне хотелось только одного. Я хотела уехать отсюда.

– Ладно.

Такси мы нашли легко в этой части города. Искать особняк черногорца долго не пришлось. Свернув на тихую темную улочку, сестренка что-то тихо сказала таксисту – он поехал медленнее. Еле – еле. Стали различимы номера этих заросших кустарником особнячков. Вид у них был как из фильма ужасов. Вот и нужный дом. Темная улица, мрачные дома, заросший заброшенный дом. Просто триллер. Так и хотелось спросить – а во что мы играем? В Акулину?

– Видишь? Вот сюда через два часа и подрулишь.

Был странен сам ритуал. Проехать, посмотреть, как репетиция. Потом приехать в гости. Типа... Кавычки интересно предусмотрены. А потом что? Что я там делать буду?

Одно успокаивало меня тогда – я больше не увижу Белград никогда. Это тешит меня и сейчас.

Вечером, в назначенный час, я ехала на такси к указанному особняку. Дверь мне открыл сам черногорец. Я осознавала ситуацию. Я была пленницей. Заложницей. Игра становилась страшной. Правда, тогда я еще не знала – насколько. Но я все равно играла, играла из последних, как мне казалось сил, улыбалась. Высокий, лысоватый, каланча.

Лестница наверх так и осталась для меня загадкой. Это была отдельная часть дома. Тут же в гостиной стояла недоделанная антикварная мебель. Недореставрированная. Частично, на нее можно было сесть, частично, она была еще только подготовлена к обтяжке.

– Да у тебя дома мастерская!

– Ты будешь кофе?

Все они тут пили кофе и уже достали меня с этим кофе.

Дом был реально мрачный. Кухня, на которую я вынесла свою чашку чтобы налить себе новую – была запущена. Все было новое, но какое-то необжитое, заброшенное, запыленное и засиженное. Как пункт по передаче... вот только что тут передавали... Я не знаю, и мне было совершенно все равно.

Лампочки едва светили. Тускло и темно. Стало даже страшно. Но ничего страшнее, чем остаться тут – в тот момент для меня не было.

– Он поставил какую-то музыку и встал передо мной. Я не очень понимала, что он бормотал, хотя говорил он по-русски. Кати не было. Он полез целоваться. Тут же стояла узкая антикварная кушетка, которая смогла-таки выдержать нас.

– А что уже пора? – почему-то спросила я.

Все было так по-деловому, как по заранее запланированному и расписанному по часам контракту.

– Пора.

Он разделся чуть в стороне, я не стала снимать верх, стянув с себя только джинсы. Раз так, то уж пусть будет так. Он промолчал. Оказавшись на мне, он медленно двигался, я, в желании поскорее все это закончить стала двигаться навстречу, убыстряя движение и колебания.

– Прекрати, если ты сейчас пошевелишься еще раз, я кончу.

Странно, это звучала как угроза. Наверное, это тоже была модель поведения. Наверное, он привык так говорить Катьке, которой все это было нужно.

Я снова качнула телом.

– У тебя страховка есть?

– Какая страховка? Медицинская?

– От беременности.

– Нет, конечно.

– Тогда лежи и не двигайся, а то я не смогу контролировать.

Боже мой, неужели он и правда воображал, что продление всего этого дела на пару секунд доставило мне удовольствие? Или это была демонстрация своих возможностей контроля?

Кончив, он тут же, не одеваясь, протянул мне телефон.

– Вызывай такси.

Я послушно набрала номер и снова протянула ему аппарат.

– Адрес, дурак, – по-русски сказала я. – Адрес свой скажи на вашем языке. И скажи, чтоб побыстрее.

Он метнул на меня странный взгляд, и что-то бормотнул в трубку. Мне было так противно, что я старалась не смотреть на него.

Такси пришло – не успела я натянуть джинсы. Слава богу. Не пришлось еще и с этим разговаривать. Странно, что несколько слов в постели он произнес почти нормально. Во всяком случае, я сумела их понять.

– Я приеду в феврале. Увидимся в Москве.

Значит примут меня в феврале, – мелькнула мысль. Еще ждать.

Странно, но я так устала от постоянного страха и недосыпа, что почти все это уже казалось фильмом режиссера со странными фантазиями. Все происходящее было так нелепо,

настолько невозможно для моей жизни, так не соответствовало исходнику, что, наверное, будь постановщик с юмором, – на этом материале получилась бы неплохая комедия.

Ехать к Светке не хотелось. Опять сейчас начнется про Иегову. Как же называлась-то ее секта?

Я взяла курс в Русский дом. Утром я уезжала. Улетала. Картины, уже запакованные, находились там же, в Русском доме, в моей комнате. Аккуратно связанные и перевязанные они занимали ее всю. И я хотела их проверить.

До последнего момента мне не верилось, что смогу вот так просто улететь отсюда. Эти два Сережи запросто могли в мое отсутствие подкинуть мне в упаковки наркоту и меня задержали бы в сербской тюрьме, и отвечать неизвестно за что. Иногда мне казалось, что я схожу с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.